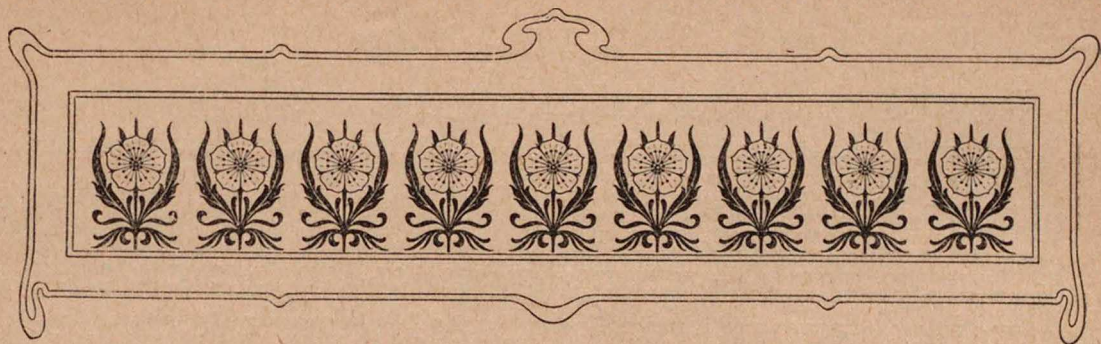

Царь-дѣвица.

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь съ царицею.

Былъ у нихъ сынъ Василій-царевичъ.

Умерла царица, остался царевичъ сиротою. Поплакалъ царь, погоревалъ, а черезъ нѣкоторое время задумалъ жениться.

Взялъ царь молодую жену. Сдѣлалась она въ домѣ полной хозяйкой, а Василю-царевичу злой мачехой. Не долго жилъ царь съ молодою женой: заболѣлъ и умеръ.

Осталась молодая царица вдовою.

Задумала она вмѣстѣ съ дядькой Василя царевича извести его, чтобы самимъ завладѣть его царствомъ.

Разъ зоветъ царевичъ своего дядьку:

— Пойдемъ, по городской стѣнѣ погуляемъ.

— Пойдемъ, царевичъ!

Пошли, гуляли-гуляли, стали съ городской стѣны спускаться, вдругъ изъ каменной башни окликаютъ царевича три голоса—левъ, змѣй и воронъ:

— Выпусти насъ, Василій царевичъ, изъ неволи: мы тебѣ пригодимся.

— Слышишь, что у насъ на городской стѣнѣ дѣлается?—спрашиваетъ царевичъ дядьку.

— Нѣтъ, Василій-царевичъ, ничего не слышу.

Воротились они домой. Вечеромъ рано легъ Василій-царевичъ спать, а дядьку отъ себя отослалъ. Переждалъ царевичъ нѣкоторое время, всталъ потихоньку, взялъ желѣзный ломъ, вылѣзъ въ окошко и пошелъ къ городской стѣнѣ. Ударилъ ломомъ разъ, другой и выбилъ дверь у башни. Вышли оттуда левъ, змѣй и воронъ. Обступили кругомъ царевича и стали говорить ему:

— Слушай, Василій-царевичъ, нашего наказу! Какъ были у тебя живы отецъ да мать родные, долго они искали тебѣ невѣсту и нашли — за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ высватали тебѣ Царь-дѣвицу, и такой уговоръ съ нею сдѣлали: тебѣ на иной не жениться, ей за иного замужъ не выходить. Ужъ

скоро двѣнадцать лѣтъ, какъ она ждетъ тебя—не дождется. Возьми ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по морю погулять. Какъ только выйдешь въ море да заиграешь въ гусли, Царь-дѣвица сейчасъ къ тебѣ будетъ. Только смотри: станетъ тебя сонъ клонить, ты не спи; если уснешь, она тебя не добудится и назадъ уйдетъ. Да еще тебѣ скажемъ: берегись, Василій - царевичъ: завтра смерть тебя ожидаетъ.

— Какая смерть?—спрашиваетъ царевичъ.

— Твоя мачеха испечетъ на змѣиномъ салѣ три лепешки и велитъ тебѣ подать. Не ѣшь ихъ, лучше въ карманъ положи.

Какъ сказано, такъ и случилось. Взялъ на другой день царевичъ лепешки, положилъ въ карманъ и пошелъ гулять. Слышитъ—что-то въ карманѣ шевелится; сунулъ руку и вытащилъ ужа, сунулъ другой разъ—вытащилъ змѣю, сунулъ въ третій разъ—вытащилъ лягушку.

— Правду сказали мнѣ левъ, змѣй и воронъ. Съѣшь я лепешки, не быть бы мнѣ живому.

II.

Воротился царевичъ съ прогулки, взялъ гусли и говорить дядькѣ:

— Пойдемъ на корабль—поплаваемъ, по морю погуляемъ.

Побѣжалъ дядька съ докладомъ къ мачехѣ.

— Царевичъ хочетъ гулять по морю и гусли съ собою беретъ.

Говоритъ дядькѣ царица:

— Вотъ тебѣ мѣдная булавка, воткни ее царевичу въ воротъ кафтана, тогда онъ заснетъ крѣпкимъ сномъ, и кто бы ни пришелъ, кто бы ни пріѣхалъ—ни за что его не разбудить!

Дядька взялъ булавку и пошелъ съ царевичемъ на пристань.

Сѣли на корабль и поѣхали въ открытое море. Василий-царевичъ заигралъ на гусяхъ.

Услыхала ту игру Царь-дѣвица изъ-за тридевяти земель. Поспѣшила на свои корабли легкіе и пустилась въ путь къ Василию-царевичу.

Царевичъ завидѣлъ паруса за три версты и говоритъ дядькѣ:

— Это чьи корабли плывутъ?

— А мнѣ почему знать!—отвѣчалъ дядька да тѣмъ временемъ вынулъ булавку и воткнулъ царевичу въ воротъ кафтана.

— Ахъ! что-то мнѣ спать хочется, — проговорилъ царевичъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Подъѣхала Царь-дѣвица, спустила съ своего корабля сходни на корабль Василия-царевича, сошла къ нему.

Видитъ — спитъ царевичъ. Стала его будить, нѣжныя рѣчи приговаривать. Нѣтъ, не могла добудиться.

Говоритъ она дядькѣ:

— Поклонись отъ меня Василию-царевичу да скажи ему, чтобъ ложился спать съ вечера, обо мнѣ не печалился: завтра я опять пріѣду.

— Сказала и уѣхала. Какъ только отплыла Царь-дѣвица версты на двѣ или на три, дядька видитъ, что теперь до нея голосомъ кричать — не докричатся, рукой махать — не домахаться, взялъ да и вынулъ булавку. Василий-царевичъ проснулся и сталъ дядькѣ разсказывать:

— Снилось мнѣ, будто какая-то пичужечка вокругъ меня увивалась, да такъ-то грустно щебетала, что у меня на душѣ и теперь тошно.

Отвѣчаетъ дядька:

— Не пичужка то увивалась, увивалась прекрасная Царь-дѣвица, будила тебя, цѣловала-миловала, нѣжныя рѣчи приговаривала, да никакъ не могла добудиться. Уѣзжая, она приказала, чтобы ты, добрый молодецъ, ложился спать съ вечера, поутру раненько вставалъ, да опять бы сюда пріѣзжалъ.

Василий-царевичъ воротился домой и легъ спать съ вечера, только съ горя да съ кручины не могъ уснуть всю ночь.

Поутру всталъ рано-рано и говоритъ дядькѣ:

— Поѣдемъ на корабль прогуляться!

Дядька побѣждалъ къ мачехѣ докладывать, что Василій-царевичъ опять на море собирается и беретъ съ собою гусли звонкія.

— На тебѣ другую булавку,—говорить ему царица,—сдѣлай нынче то же самое, что и вчера дѣлалъ.

Дядька взялъ булавку и пошелъ съ царевичемъ на пристань. Сѣли на корабль и поѣхали въ море. Василій-царевичъ заигралъ на гусяхъ, да такъ нѣжно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру Царь-дѣвица, не могла усидѣть на мѣстѣ, быстро вскочила и закричала громкимъ голосомъ:

— Эй вы, корабельщики! подымайте якоря желѣзные, распускайте паруса тонкіе и готовьтесь скорехонько плыть къ Василию-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснулъ непробуднымъ сномъ.

Понеслись ея корабли по морю, словно птицы быстролетныя.

За три версты увидалъ Василій-царевичъ паруса бѣлые и спросилъ у дядьки:

— Чьи это корабли плывутъ?

— А мнѣ почемъ знать!—отвѣчалъ дядька, вынулъ опять булавку и воткнулъ ее царевичу въ воротъ кафтана.

Начала дрема одолѣвать Василя-царевича. Умылся онъ холодной водой—думалъ какъ-нибудь разгуляться, да не стерпѣлъ добрый молодецъ, повалился на палубу и заснулъ мертвымъ сномъ.

Приѣхала Царь-дѣвица, спустила сходни на корабль Василия-царевича, сошла къ нему, начала его будить—цѣловать, на полотнахъ качать. Царевичъ спитъ—не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водой: авось, проснется! Нѣтъ, ничего не помогаетъ.

Царь-дѣвица написала письмецо, положила царевичу на бѣлую грудь, ушла на свой корабль и поѣхала назадъ; а въ томъ письмѣ было написано:

«Прощай, Василий-царевичъ! не ожидай меня въ третій разъ; кто меня любитъ, тотъ самъ найдетъ!»

Какъ только отѣхала Царь-дѣвица, дядька увидалъ, что до нея крикомъ не докричатся, рукою не домахаться—тотчасъ взялъ, да и выдернулъ булавку.

Василий-царевичъ тотчасъ проснулся и говоритъ:

— Что бѣ это значило? во второй разъ мнѣ привидѣлось, будто какая-то пичужка вокругъ меня долго-долго увивалась.

Отвѣчаетъ дядька:

— Не пичужка то увивалась, увивалась прекрасная Царь-дѣвица, цѣловала тебя, миловала, на полотнахъ качала, холодной водой обливала, никакъ не могла добудиться.

— А что у меня на груди за бумага?

— Это она письмецо тебѣ написала.

Василій царевичъ раскрылъ письмецо, прочиталъ и сильно заплакалъ:

— Правду говорили мнѣ левъ, змѣй и воронъ, чтобы я отъ сна воздержался; да, видно, чему быть, того не миновать!

III.

Вернулся царевичъ домой въ большомъ горѣ. Взялъ ружье и пошелъ въ зеленый садъ горе размыкать.

На любимой его яблонѣ сидитъ черный воронъ да каркаетъ:

— Каръ, каръ, Василій-царевичъ! не послушался ты, не сумѣлъ отъ сна воздержаться — вотъ теперь и пеняй на себя!

«Какъ, — думаетъ царевичъ, — ужъ и птица надомной смѣяться стала!» навелъ ружье, спустилъ курокъ и обломилъ ворону правое крыло. Еще тошнѣй у него на душѣ стало. Вышелъ царевичъ въ чистое поле, шелъ - шелъ, попался ему пастухъ съ табуномъ лошадей.

— Богъ помочь тебѣ стадо пасти! — говоритъ царевичъ.

— Добро пожаловать, Василій-царевичъ!

— А ты какъ меня знаешь?

— Какъ же мнѣ не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лѣтъ въ пастухахъ служилъ. Зовутъ меня Ивашка бѣлая рубашка, Прежде я былъ первымъ воеводою, да отецъ твой за провинность разгнѣвался и сослалъ меня въ пастухи.

— Не найдешь ли ты, Ивашка бѣлая рубашка, коня по мнѣ? Если найдешь мнѣ добраго коня, я тебя во вѣкъ не забуду. Когда буду царемъ, тебя опять первымъ воеводою сдѣлаю.

Отвѣчаетъ ему Ивашка бѣлая рубашка:

— Не выдавъ твоей силы, нельзя тебѣ и коня указать. Вонъ стоитъ ракитовый кустъ, попробуй—выдерни его съ корнемъ.

Василій-царевичъ ухватился за кустъ и выдернулъ его съ корнемъ, а подъ тѣмъ кустомъ лежали мечъ-кладенецъ, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда въ три пуда, сѣдло въ двадцать пять пудовъ боевая палица въ полтора пуда.

— Ну, царевичъ, дожидай меня здѣсь, — говоритъ Ивашка бѣлая рубашка: — поутру пригоню я стадо лошадиное, впереди всѣхъ молодой конь будетъ, а вслѣдъ за нимъ старый; кинутся они въ воду и поплывутъ далеко-далеко, а какъ свалить жаръ, станетъ старый молодого выгонять въ зеленые луга, ты смотри, не зѣвай: только ступитъ старый на берегъ, тотчасъ и бей его промежду ушей своей палицей.

Сказано—сдѣлано. На другой день выждалъ Василій-царевичъ удобный часъ, ударилъ стараго коня боевой палицей промежду ушей—паль конь на колѣни. Взнуздавъ его добрый молодецъ уздой трехпудовою, надѣлъ на него сѣдельце черкасское и сѣлъ верхомъ.

Какъ очнулся конь отъ удара богатырскаго, какъ понесъ Василія-царевича по доламъ, по лугамъ, по высокимъ горамъ! Трое сутокъ носилъ безъ роздыху, и не потъ съ коня—алая кровь закапала.

Возгласилъ тутъ конь человѣческимъ голосомъ:

— Гой еси, Василій-царевичъ! отпусти меня погулять три зори утреннія. Въ синемъ морѣ я искупаюсь, на росѣ поваляюсь, и буду я твой вѣрный слуга!

Царевичъ отпустилъ коня. Конь погулялъ три дня и воротился такимъ сильнымъ и добрымъ, что лучше того и не видано и не слыхано. Сѣлъ Василій-царевичъ на коня и поѣхалъ за тридевять земель, въ тридесятое государство.

Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ въ царство львиное.

Говоритъ царь-левъ:

— Эй, мои дѣтки семеры! берите вилы желѣзныя, подставляйте подъ мои очи старыя, дайте мнѣ посмотрѣть на добраго молодца.

— Посмотрѣлъ, узналъ царевича и обрадовался:

— Добро пожаловать, Василій-царевичъ! за твою услугу великую гости у меня, сколько хочешь.

Накормилъ, напоилъ левъ царевича и коня его. Погостилъ царевичъ въ львиномъ царствѣ, отдохнуль и сталъ въ путь-дорогу снаряжаться. Проводилъ царь-левъ царевича честь-честью. Ъхалъ-ѣхалъ царевичъ и пріѣхалъ въ змѣиное царство. Царь-змѣй обрадовался, ласково гостя встрѣтилъ и ласково проводилъ. Поѣхалъ царевичъ дальше. Ъхалъ онъ и полями, и горами, и дремучими лѣсами. Пріѣхалъ въ вороново царство. Встрѣчаетъ его царь-воронъ и говоритъ:

— Хорошъ молодецъ! за что про что обломалъ крыло у моего братца родного? За такой поступокъ надо бы съ тебя голову снять. Да ужъ такъ и быть—смертнымъ страхомъ отдѣлайся!

Взялъ посадилъ царевича на крылья, полетѣлъ на сине море и бросилъ его въ самую глубь. Василій-царевичъ упалъ—окунулся въ воду, а какъ вынырнулъ—царь воронъ подхватилъ его и вынесъ на сушу.

— Поѣзжай теперь, куда знаешь! — сказалъ воронъ царевичу.

IV.

Опять сѣлъ на коня царевичъ, чтобы дальше путь держать.

Говоритъ конь царевичу человѣческимъ голосомъ:

— Крѣпче держись, Василій-царевичъ! Надо въ три часа, въ три минутки поспѣть въ тридесятое царство. Подъ то царство подступилъ Иванъ-богатырь, рожашитая, носъ плетеный, языкъ строченый, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспѣемъ туда въ три часа, въ три минуточки, то возьметъ онъ Царь-дѣвицу за себя.

Пріѣхалъ Василій-царевичъ къ тридесятому царству, а у тридесятаго царства стоитъ Иванъ-богатырь — не пускаетъ царевича. Не долго думалъ царевичъ — вступилъ въ бой съ Иваномъ-богатыремъ. Разъѣхались они на двадцать верстъ, пустили коней навстрѣчу, какъ ударились боевыми палицами — ровно громъ загремѣлъ! Бились-бились, никто не осилилъ. Пріустали добрые витязи и условились дать другъ другу перемирье на три дня.

Василій-царевичъ разбилъ шатеръ, легъ на отдыхъ и заснулъ крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Третьи сутки на исходѣ, а онъ все спитъ.

Сталъ его будить добрый конь:

— Гой еси, Василій-царевичъ! Не время спать, время вставать съ Иваномъ-богатыремъ бой начинать.

Начался бой. Разъѣхались витязи на тридцать верстъ, разогнали коней навстрѣчу, бились-бились — ни тотъ ни другой не осилилъ. Взяли перемирье еще на три дня.

Царевичъ легъ въ шатрѣ и опять уснулъ. Третьи сутки на исходѣ, будить его добрый конь:

— Гой еси, Василій-царевичъ! Полно спать, время вставать, Ивану-богатырю голову сымать.

Вскочилъ Василій-царевичъ, осѣдлалъ своего коня наскоро, подпруги подтянулъ натуго—не для бодрости, а для крѣпости. Ёдетъ онъ, подъ нимъ конь пляшетъ, а Иванъ-богатырь ѣдегъ, подъ нимъ конь слезно плачетъ.

Разъѣхались они на пятьдесятъ верстъ, припустили коней навстрѣчу, какъ ударились—земля задрожала! Иванъ-богатырь промахъ далъ, не сдержалъ въ рукѣ боевую палицу, пала она остреемъ наземь и ушла въ глубину на три сажени, а Василій-царевичъ ударилъ его коня прямо въ грудь, посадилъ того коня задомъ на сырую землю, самому Ивану-богатырю снялъ буйную голову.

— Теперь путь мнѣ, доброму молодцу, не заказанъ: возьму-ка я гусли звончатыя да пойду въ любимый садъ Царь-дѣвицы.

Взялъ гусли, пришелъ въ садъ и заигралъ такъ нѣжно да сладко, что и сказать нельзя!

Услыхала ту игру Царь-дѣвица, зоветъ своихъ нянюшекъ-мамушекъ, даетъ имъ портретъ Василія-царевича и посылаетъ въ свой любимый садъ:

— Бѣгомъ бѣгите, хорошенько разглядите, не прѣхалъ ли Василій-царевичъ, не онъ ли въ саду на гусляхъ играетъ?

Нянюшки-мамушки побѣжали, посмотрѣли, съ портретомъ сличили, вернулись къ Царь-дѣвицѣ и докладываютъ:

— Нѣтъ, то не Василій-царевичъ на гусляхъ играетъ; хоть и похожъ на него, а все не онъ—Василій царевичъ куда прекраснѣе!

Отвѣчаетъ имъ Царь-дѣвица:

— Ахъ вы, глупыя — неразумныя! вѣдь царевичъ теперь отъ великихъ трудовъ изнурился, оттого и портретъ не похожъ.

Бросилась сама въ садъ, тотчасъ узнала своего суженаго, взяла его за руки бѣлыя и повела въ свои терема высокіе.

Обвѣнчались они, отпраздновали свадьбу и поѣхали въ государство Васи́лія-царевича. Мачеху и дядьку Васи́лій-царевичъ приказалъ прогнать, а самъ съ молодою женой сталъ жить-поживать да добра наживать.

